

БАНЯ

Всю ночь шел дождь. Просыпаясь под шелест капель, я с удовлетворением думал, что сегодня наконец-то будет выходной. Утро выдалось хмурое. Мелкий дождь зарядами сыпал по брезентовой крыше. От порывистого ветра палатка суматошно хлопала мокрыми боками, словно взлетающая с реки утка. Мелкая водяная пыль срывалась с брезента и оседала на лицо. Влага чувствовалась даже через спальный мешок, все отсырело.

Пользуясь хорошей погодой, мы вкалывали без выходных целый месяц, за что начальник обещал нам неделю отдыха на Амуре. Но работа все не кончалась, и на Амур мы не ехали, и выходных не было. За месяц накопилась масса всяких дел: надо было постираться, истопить хорошую баню, порыбачить как следует.

Я задремал и вновь проснулся от низкого голоса начальника, пророкотавшего из соседней палатки:

– Молодые люди, вставайте!

В первые дни по утрам начальник тонким голосом плаксы, зовущего на помощь, кричал нам: «Мужчины! Мужчины!» И однажды, когда была моя очередь дежурить, я не выдержал и заметил, что не таким писклявым голосом следует произносить столь мужественное слово. С тех пор начальник выбрал для нашего пробуждения низкий баритон.

Мелкий дождь уютно шелестел по брезенту крыши. Но тут я вспомнил, что сегодня моя очередь дежурить и готовить завтрак. Проснулся Ник и высказался в пользу того, чтобы ещё немного вздремнуть, пока дождик закончится. Начальник был настроен иначе и снова пророкотал своим баритоном.

– А может, выходной сегодня устроим? – громко предложил я, чтобы начальнику в соседней палатке было слышно. – Дождь идет.

– Опять узкой полосой?

Начальник все еще сердился на меня из-за недавнего розыгрыша. Недели две назад, когда я был дежурным, с утра накрапывал дождь. Не было никаких шансов, что он наберет силу и маршрут отменят. Три последние маршрута у нас с Ником выдались тяжелые и длинные, так что отдых не повредил бы. Я с надеждой смотрел на низкие облака, но дождь еле капал. Порывистый ветер безжалостно разгонял облака. Дождь прекратился окончательно. Рассердившись, я плеснул воду из кружки вверх как раз около палатки начальника. Порыв ветра разметал струю, и на брезентовую крышу обрушился град капель как во время хорошего дождя. Пока на костре варилась каша, я минут двадцать поливал палатку начальника из кружки.

Намочив в реке брезентовый плащ, я накинул на голову мокрый капюшон и заглянул в палатку начальника.

«Что там, дождь?» – пробурчал начальник недовольным тоном.

«В палатке будете завтракать или на кухне?» – я стряхнул с плаща воду.

«Здесь», – немного подумав, ответил начальник, подозрительно разглядывая мой капюшон.

«А после завтрака можно на рыбалку сходить?» – скромно попросил я.

«Ладно, идите на пару часов. Но потом устроим камералку!»

Я принес начальнику в палатку миску рисовой каши со сгущенным молоком и кружку чая, поставил завтрак на вьючный ящик в изголовье его постели и быстро смылся. Ровно через два часа мы вернулись с ведром

хариусов. Начальник сидел на скамейке под навесом и камералил. Он выразительно оглянулся на мокрую полосу брезента на крыше своей палатки, а потом на меня. Стало ясно, что он все понял.

«Вы что, не видите? – я смело посмотрел в глаза начальника, – дождь шел очень узкой полосой».

«Очень узкой. Как будто Илья Громовержец пописал».

Я вылез из спальника и надел холодную влажную энцефалитку, пропахшую дымом костров.

– Помочь? – Ник высунул из спальника нос.

– Лежи, – зачем вдвоём на дожде мокнуть.

– Ладно, выходной! – согласился начальник.

– Ура! – заорали мы с Ником почти одновременно.

Мне даже сразу расхотелось спать. Для начала я растопил печку в нашей палатке. Обычно мы заряжали ее дровами и берестой с вечера, так что утром достаточно было открыть дверку и поднести спичку. Печка загудела, распространяя приятное сухое тепло.

Утренний воздух был сырой и прохладный. В липком тумане не проглядывались даже подножия сопки. Серые, как мокрая вата, облака низко пронеслись над рекой.

Сухие дрова, накрытые для надежности клеёнкой, хранились под брезентовым тентом. Я разжег костер и собрался за водой.

Еще в начале сезона, когда мы составляли распорядок дня и обязанности дежурного, Ник, для смеху, записал такой пункт: «Дежурный обязан оказывать уважение членам отряда и по их желанию мыть им ноги».

– Дежурный! – крикнул Ник, нежась в теплом спальнике и наблюдая через открытый вход палатки, как я под морозящим дождем развожу костер. – Ну-ка, вымой мне ноги! – и хихикнул, умиляясь собственному остроумию.

Та поспешность, с которой я бросился с ведром к реке, Ника вовсе не обрадовала, и он завертелся в наглухо зашнурованном спальнике, справедливо полагая, что его желание будет исполнено.

– Стой, я пошутил! – кричал он мне вслед.

Когда я подбежал к палатке, Ник уже выскочил из спального мешка и струя воды из ведра достигла как раз его нижних конечностей.

Через полчаса за завтраком начальник сообщил, что завтра он в любую погоду с кем-нибудь из нас сбегает в короткий маршрут и можно переезжать на новое место.

Дождь сыпал по-прежнему, но настроение нам испортить уже не мог. Ник вызвался помочь мне топить баню. Каркас для банной палатки мы сделали в первый день под руководством опытного Макса. К углам каркаса прикрепили полок из жердей и скамейку. Макс лично сложил каменку, на которую поставили железную двухсотлитровую бочку.

Ольховые дрова у нас были припасены заранее. Натаскали полную бочку воды, и развели в каменке огонь.

Приготовление веников для бани дело сравнимое разве что с японским искусством составления букетов – экибана. Центр букета... т.е. веника, составляют березовые ветки с гладким листом, пара веток можжевельника, несколько стебельков мяты перечной и зверобоя. Снаружи пахучая сердцевина окружается прочными дубовыми ветками, которые придают венику необходимую жесткость. Я любил заготавливать большие веники с длинной удобной ручкой.

К полудню дождь, наконец-то, прекратился. Вода в бочке закипела, но камни прогрелись недостаточно. Мы отлили горячей воды, чтобы постираться, и добавили в бочку холодной.

Ник словно енот-полоскун все время что-то стирал. Однажды я совершенно случайно оставил около его рюкзака свое грязное вафельное полотенце и носки, которые были точно такие же, как и у Ника.

«Это твоё полотенце?» – с подозрением спросил Ник, готовясь к стирке с утра пораньше.

В этот момент я чистил зубы на берегу реки и свободной рукой сделал в воздухе жест, который, по моим расчетам, однозначно должен был восприниматься как утверждение. Но Ник, как всегда, все перепутал и растолковал его как отрицание.

«А носки?»

Я чуть не поперхнулся зубной пастой и сердито посмотрел на Ника, всем своим видом давая понять, что занят, а он пристаёт ко мне со всякими глупостями.

Хозяйственный Ник выстирал мои носки, а полотенце даже прокипятил. Стиранные вещи узнаются как-то легче. Я признал свое полотенце и носки и снял их с веревки. Чтобы не подорвать у друга хозяйственный запал, который, несомненно, пригодится ему как молодому отцу в дальнейшей супружеской жизни, я не стал его беспокоить, посчитав маленькое недоразумение исчерпанным. Подумаешь, узнал свои вещи, ну и все дела! Ник заметил, что количество грязных вещей явно превосходило количество стиранных, и спросил меня об этом феномене в лоб. Я сознался, что полотенце и носки действительно мои, и сердечно поблагодарил Ника.

Но Ник вдруг рассердился и огульно обвинил меня в умышленном подсовывании ему грязных вещей, намекая на ненавистную мне эксплуатацию человека человеком. Я с гневом отверг такое обвинение и разъяснил Нику, что он теперь может смело записать в свой дневник, в графу «добрые дела»: «Сегодня постирал вещи друга».

Ник высказал предположение, что, по-видимому, с моей легкой руки и незаметно для себя он уже целый месяц совершает добрые дела. Что бы отвлечь Ника от этой дурацкой темы, я предложил отнести в стирку наши вкладыши. На Памире вкладыш намыливали, привязывали к камню веревкой и бросали в стремительный горный ручей. Через неделю вкладыш становился снежно-белым. Ник почему-то усомнился в эффективности такой стирки в реках Дальнего Востока и собрался кипятить вкладыш в ведре со стиральным порошком. Я намылил свой вкладыш и бросил его в самую стремнину.

Как раз сегодня я вспомнил, что мне после бани понадобится чистый вкладыш, и мы отправились посмотреть на результат работы природной прачечной. На старом месте вкладыша не обнаружили. Река вздулась от прошедших дождей и его, наверно, снесло вместе с камнем. Но и ниже по течению до самого переката ничего не нашли.

– За потерянный вкладыш Макс запишет тебе в гору четыре рубля, – предупредил меня Ник.

– Ну, и черт с ним, – я не очень-то и расстроился, – он был такой серый, что вряд ли отстирался бы. Раз уж с меня высчитают, то я должен получить новый вкладыш.

Наконец, каменка нагрелась докрасна. Мы выгребли угли, настелили вместо пола крышки от ящиков и натянули на приготовленный каркас палатку. Сверху на крышу палатки накиннули брезент.

Начальник объявил, что не любит париться, и будет мыться после нас.

Русская баня на берегу таёжной реки занимает одно из первых мест в перечне ощущений, которые должен испытать в жизни настоящий мужчина. Я добавил в воду цветки дикого хмеля и благоухающим травяным настоем поддал на камни. Палатка раздулась от пара.

– Тебя как парить, «с визгом» или «с хрястом?» – предложил я Нику на выбор.

– Ты что! – испугался он. – Лучше я сам.

– Не трус! Нужно расслабиться и спокойно ждать удовольствия.

Ник с опаской залез на полку. Я так отхлестал его вениками, что он визжал на всю тайгу.

Распаренные и красные, словно вареные раки, мы выскочили из палатки. Я схватил в охапку Бама, без дела слонявшегося по берегу, и в обнимку с ним бросился в реку. Пес жалобно заскулил, вырвался и в два прыжка очутился на берегу. Бам отряхнулся и обрызгал начальника, который рассердился и закричал на него.

Когда холодные струи омывают распаренное тело, это минуты невыносимого блаженства и настоящего счастья. Мы лежали на мелководье в полупогруженном состоянии. Течением нас понемногу сносило вниз. Цепляясь пальцами за скользкие камни, я вдруг почувствовал на дне что-то необычное, скользкое и упругое, напоминающее живое существо. Незнакомый предмет по форме и размеру был похож на выпуклую спину бегемота. Но чувства не могли обмануть мой разум, которому было доподлинно известно, что на Дальнем Востоке бегемоты не водятся. И тут я сообразил, что это может быть труп какого-то большого животного, лежащий на дне реки. Я заорал дурным голосом и на метр выпрыгнул из воды. Ник и начальник вздрогнули.

– Там, на дне, чей-то труп! – крикнул я.

Бесстрашный Ник взял палку и отправился на разведку. Ткнув несколько раз в тушу на дне, он наклонился и сунул голову в воду. Вынырнув, Ник энергично покрутил пальцем у своего виска, но жест, без сомнения, адресовался мне.

– Это твой вкладыш, – объявил он, – его набило речным песком, а сверху прилипла какая-то зеленая слизь и целая колония рачков.

На быстрине эти рачки приклеивались к камням, чтобы не снесло течением. Потом мне пришлось долго соскабливать их охотничьим ножом. Но даже после кипячения в растворе стирального порошка вкладыш так и остался серым с замысловатыми бурными разводами. На этом примере я еще раз убедился, что если скупой платит дважды, то лентяй делает одну и ту же работу несколько раз!

Мы снова залезли в баню. Я поддал на камни так, что Ник сначала лег на пол, но не выдержал и выполз наружу. Это был уже не пар, а настоящий гидротермальный флюид, из которого в земных недрах растут кристаллы. На полке можно было удержаться, только помогая себе диким криком. Конечно, я немного переборщил, красуясь перед Ником, но пар быстро выходил через материю. Отхлеставшись двумя вениками до изнеможения, я, пошатываясь, вышел из палатки. На холодном воздухе от красного тела валил пар.

– Теперь можно и умереть! – объявил я, и плашмя упал в реку.

Ник помог вытащить на берег мой туго набитый вкладыш и вытряхнуть из него речной песок.

Я сбегал в парилку еще два раза. Начальник ходил вокруг, намекая, что пора заканчивать.

После бани, развалившись на чистых вкладышах поверх спальных мешков, мы с Ником мысленно выпили по кружке холодного таёжного пива. Я высказал смелое предположение, что начальник после бани выставит настойку зверобоя. Ник саркастически хмыкнул.

Было слышно, как начальник, кряхтя, залезал на полок, приговаривая: «Как быстро год прошел – я снова в бане».

– Год не пей, два не пей! А после бани – выпей! – громко произнес я, так чтобы начальнику в палатке тоже было хорошо слышно.

Ответа не последовало и раздалось слабенькое шипенье пара – видимо начальник боялся и поддавал на камни понемногу.

– Может вас попарить? – предложил я свои услуги.

– Ты что, я же умру от твоего пара.

– Зато самая приятная смерть – от восторга! – соблазнял я начальника.

– Спасибо, я лучше помучаюсь еще лет сорок.

Пока начальство мылось, мы накрыли под тентом стол. На первое у нас было полведра холодной ухи, застывшей как настоящее заливное. На второе я поджарил трех рябчиков, приготовив их на большой чугунной сковороде, под гнётом – как цыплят-табака. Начальник достал заветную флягу и плеснул нам в кружки разведенного спирта, настоящего на зверобое.

После обеда, напившись крепкого чаю, мы забрались в палатку, зажгли свечу и, под шум дождя, распевали геологические песни до двух часов ночи.